

ТВОРЧЕСКОМУ облику кинорежиссера Григория Александрова в высокой степени присуще то, что может быть названо общительностью. Александров прежде всего и больше всего заботится о контакте с залом, он постоянно словно всматривается в ваше лицо, желая убедиться: вам нравится, вы смеетесь, вы участвуете в действии?

Не отсюда ли идет особая — всегда лирическая — условность александровских картин? Не отсюда ли и его настойчивое желание всякий раз добыть для фильма не просто хорошую музыку, а такую песню, которую подхватит зал? Не отсюда ли его традиция приглашать самых популярных артистов, любимцев публики — в самом, разумеется, добром смысле этого слова?

Александров всегда жил со зрителем, так сказать, душа в душу. Но вот на экране появилось последнее детище Григория Александрова — кинокомедия «Русский сувенир», и этот многолетний контакт впервые оказался нарушенным.

И все же происходит странная вещь: фильм не имеет успеха.

«Сейчас будем смеяться», — я слышала эту фразу, произнесенную моей соседкой по четырнадцатому ряду партера кинотеатра «Художественный». Она предвкушала удовольствие, она открывала создателю картины свой щедрый зрительский кредит. Сеанс начинался в атмосфере самых добрых чувств, самых веселых ожиданий, чтобы закончиться через два без малого часа совсем и совсем иному...

Так что же на этот раз встало между режиссером и публикой?

Александров избрал жанр, близкий к обозрению. Это своего рода киноревию, где с калейдоскопической быстротой сменяют друг друга коротенькие сценки и лирические дуэты, переложенные заставками из пейзажей и экранизированными песенками. Более всего это близко к манере и задачам эстрады.

Но ведь кино с его непоколебимой репутацией самого правдивого, самого достоверного из искусств не может быть уподоблено эстраде с ее жанровыми условностями.

Не стоит упрекать сценариста Александрова за то, что он предложил режиссеру Александрову уже использованную неоднократно ситуацию «путешествия мистера такого-то в страну большевиков». И суть не в том, что Александров

Блуждающие маски кино

ров как постановщик должен был, к примеру, несколько сократить утомительную одиссею своих героев; и не в том, что Александров как автор сценария мог бы решительнее постоять за подробности внутренней жизни своих героев. Это пошло бы на благо, но не исправило бы дела.

Иностранные туристы вроде бы и видят у нас то, что ожидали найти, но видят все это в новом, решительно ломающем их представление качестве — вот ведущий сюжетный прием фильма. Но «цепь» открытый, совершаемый мистером Эдлаем Скоттом и его спутниками, содержит в себе слишком много чересчур мелких, чересчур традиционных звеньев, а потому кажется искусственной и приготовленной заранее.

Русский медведь? Пожалуйста: медвежонок сидит под кроватью.

Суверен? Извольте: шаман, который на самом деле всего лишь участник самодельных ритуалов.

Ватники? Будьте любезны, вот ватники — только они неестественно яркие по цвету: малиновые, синие...

Цыганский табор? Вот вам и табор, только цыгане (вместе с неизбежным медведем) занимаются сплавом леса, не сняв монаст и плисовых безрукавок, не отложив в сторону гитару и бубен...

В фильме слишком много таких вот многозначительных мелочей. Они поставлены на одну доску с фактами иного идейного значения, они топят эти факты в своей пестроте.

Во имя ложно понятой экзотичности Александров путает все и вся: трудно понять, где именно происходит действие фильма до той поры, пока его герои не оказываются на аэродроме Новосибирска. В Якутии нет скифских каменных баб и есть алмазы — в фильме они ходят в мирном соседстве. Если же это все-таки не Якутия (а это, по всему, не сна), то откуда берется здесь северное сияние?

Итак, герои «Русского сувенира» совершают свой вояж по приторной киностране, которая, как и всякая кинострана, оказывается куда менее прекрасна, чем ее реальный жизненный прототип.

Все мы знаем — об этом нам сообщили вступительные титры, — что «Русский сувенир» снимался с использованием метода «блуждающей маски», позволяющей произвольно совмещать натуру и актера, отдельно снимать героя и фон. И здесь — признаемся! — нам очень трудно устоять перед искушением воспользоваться термином «блуждающая маска» для обозначения и сущности героев и их места в сюжете. Да, перед нами именно маски — плоскостные и не пускающие в суть характера. Да, перед нами блуждающие маски — герои, блуждающие из фильма в фильм, безвольно несущиеся по воле прихотливого кинематора.

В фильме «Русский сувенир», как и всегда у Александрова, заняты первоклассные киноактеры. Павел Кадочников, Эраст Гарин, Андрей Попов, Элина Быстрицкая — какое созвездие имен! Но предлагаемые обстоятельства, но особенности сюжета оказались сильнее актеров, которые не нуждаются в аттестации своих профессиональных качеств. Странная получилась история: убеждаться в ложности ходячих представлений о нашей жизни режиссер заставляет персонажей, которые в свою очередь ничем не отличаются от ходячих представлений о «богатом, но не чуждом здравого смысла миллионере», о «честном, но зависимом от капитала писателе», о «мелком полууголовном проходимце-шантажисте», о «бедной, запутавшейся в жизни девушке». И напрасно ждешь, что герои восстанут против этих схем, совершат что-то неожиданное, окажутся сложнее и интересней... Но восстания не происходит, схемы остаются схемами, а маски — масками. Разве что преподобный мистер Пипс в исполнении Эраста Гарина оказывается живей и достоверней других...

Не больше повезло здесь и нашим соотечественникам: обязанности добровольного гида, ведущего однообразные беседы с постепенно прозревающими гостями, сделали чисто служебным образ Веры Карловой, отняли у Любови Орловой возможность утверждающего лирического раскрытия характера, в котором она бывала так сильна.

Да, «Русский сувенир» — это крупная неудача крупного кинемастера. И не надо об этом думалчивать, и не стоило некоторым критикам предвещать появление фильма на экране рецензиями столь же восторженными, сколь внутренне равнодушными.

Григорий Александров всегда был романтиком и пылко мечтателем, склонен к романтическому и причудливому в выборе выразительных средств. Никто не хочет, чтобы Александров перестал быть самим собой. Но каждый хочет, чтобы режиссер не опускался ниже собственного таланта, хотел, чтобы он был верен лучшему в самом себе.

В. ШИТОВА.

Колесников
"И правда"
12 VII. 60.